

БОРИС КРИГЕР

**ЯЗЫК
И ГРАНИЦЫ
МЫШЛЕНИЯ**

БОРИС КРИГЕР

ЯЗЫК
И ГРАНИЦЫ
МЫШЛЕНИЯ

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Язык и границы мышления

Исследуя язык как инструмент передачи мыслей и познания, книга демонстрирует его ограниченность. Язык, формируя мышление, воздвигает барьеры, мешающие постижению подлинной сути реальности. Многозначность слов и их зависимость от контекста порой искажают смысл, превращая общение в сложную и запутанную игру. Автор обращает внимание на парадоксы, которые несёт в себе язык, приводя в пример знаменитые теоремы Гёделя о неполноте, показывающие, что язык, каким бы точным он ни стремился быть, не способен охватить всю полноту реальности. Культурные и когнитивные различия ещё более усугубляют эту проблему, усиливая разрыв в восприятии и понимании. В книге также затрагиваются перспективы эволюции языка в технологическую эпоху, включая влияние искусственного интеллекта и появление новых форм общения.

ЯЗЫК И ГРАНИЦЫ МЫШЛЕНИЯ

Человеческий язык, несмотря на свою очевидную ограниченность, остаётся тем неизбежным инструментом, который связывает нас невидимыми узами, позволяя более или менее передавать мысли, намерения, эмоции, пусть и далеко не всегда в том виде, в котором они зарождаются в нашем сознании. Хотя нечёткость образов самого сознания, помноженная на неточность языка, помноженная на неправильно понятое собеседником — вот та зыбкая основа, на которой выстраивается вся наша коммуникация. Удивительно, как при таком никуда ни годном положении дел мы вообще на что-то способны. И тем не менее, каким-то чудом мы не только продолжаем взаимодействовать, но и умудряемся строить целые миры, создавая общее пространство, где возможно хоть какое-то единство мыслей и чувств.

Несовершенство языка коренится в его многозначности, в неуловимости границ между тем, что сказано, и тем, что на самом деле подразумевалось. И это не случайно. Само построение человеческой речи не следует строгой логике или линейности, свойственной искусственным системам; напротив, оно выстраивается через хаос внутреннего мира, который вечно бурлит, накладывая собственные субъективные интерпретации на любые попытки коммуникации.

Те мысли, что возникают в нашем сознании могут с лёгкостью менять форму, а язык — всего лишь попытка ухватить эти призрачные контуры. Человек,

стремящийся к ясности, часто обманывает себя сам, полагая, что слова способны точно выразить его намерения. В действительности же зачастую люди просто говорят, не пытаясь достигнуть какой-либо цели в плане познания или разрешения вопросов. Это «щебетание», столь характерное для повседневного общения, преследует другие цели — оно создаёт мосты, устанавливает связи, которые не требуют ни глубины мысли, ни точности формулировок. Когда же двое собеседников или собеседниц, ведут свой разговор, предмет этого общения становится не важен — разговор сам по себе выполняет свою функцию, направленную не на передачу содержания, а на поддержание того хрупкого равновесия, что возникает между людьми.

Но ведь мы сталкиваемся и с другой стороной языка — с тем моментом, когда слова превращаются в орудие познания. Здесь всё обостряется. Размышления философов, пытавшихся осмыслить этот парадокс, приводят нас к пониманию того, что кризис языка — это не просто кризис формы, а кризис самой возможности человеческого разума адекватно выразить сложную, подчас противоречивую реальность. Те же самые логические и математические конструкции, на которых строилась наука, в какой-то момент перестали соответствовать тем высоким стандартам, что они сами для себя поставили, и это создало ощущение зыбкости, недостоверности.

Язык, будучи пасынком культуры, следует за её законами, а не за законами математической точности. Человечество, пытаясь постичь природу через языковые конструкции, неизбежно сталкивается с ограниченностью этого инструмента, что только

усиливает внутренний разлад между желанием познать истину и невозможностью выразить её словами, несущими смыслы, которые, как уже было сказано, текут, изменяются и, утекают подобно воде сквозь пальцы.

В моей статье «*The crisis of language as a cognitive tool in human communication and knowledge acquisition*» («Кризис языка как когнитивного инструмента в человеческой коммуникации и приобретении знаний»), опубликованной в *The Common Sense World*, исследуется, как кризис языка влияет на процесс общения и получение знаний. Статья акцентирует внимание на проблемах, возникающих при использовании языка в качестве основного средства познания и обмена информацией, указывая на его ограниченность как когнитивного инструмента. Этот материал будет полезен тем, кто интересуется когнитивными науками и философией языка.¹

Ограничения языка проявляются в том, что слова и грамматические структуры не всегда точно передают мысли или описывают мир. Например, парадокс лжеца — один из самых древних и поразительных логических парадоксов. "Это утверждение ложно", — так звучит его простая формулировка, но за этой простотой скрывается глубокая пропасть. Ведь если утверждение истинно, то оно должно быть ложным, а если ложно — то истинным. Этот бесконечный круг, где истина и ложь переплетаются, не оставляя никакой почвы для однозначного ответа, ставит под сомнение саму возможность языка выразить нечто до конца ясное.

¹ Kriger, B. (2024). *The crisis of language as a cognitive tool in human communication and knowledge acquisition*. *The Common Sense World*.

В этом парадоксе отражается вся наша природа, склонная к тому, чтобы одновременно стремиться к истине и погружаться в собственные заблуждения. Язык, который мы так долго считали надёжным средством для передачи смыслов, внезапно обнажает свою двусмысленность, показывая, что даже самые очевидные конструкции могут оказаться ловушкой. И здесь возникает вопрос: а не построена ли вся наша реальность, наш способ мыслить и говорить, на таких же парадоксах, которые мы просто привыкли не замечать? Ведь если сам язык, эта тонкая ткань, связывающая нас с миром, способен порождать такие логические тупики, что же тогда можно сказать о нашем понимании самого мира, которое целиком зависит от этого зыбкого инструмента? («Это утверждение ложно») указывает на то, что в языке есть утверждения, которые не могут быть однозначно оценены как истинные или ложные. Подобные парадоксы демонстрируют ограничения языка в представлении истины, точно так же, как теоремы Гёделя показывают, что в формальных системах есть недоказуемые утверждения.

Курт Гёдель — выдающийся австрийско-американский логик и математик, наиболее известный благодаря своим теоремам о неполноте. Их открытие оказало огромное влияние на философию, математику и логику.

Гёдель был близким другом Альберта Эйнштейна, с которым он часто прогуливался по Принстону, обсуждая научные и философские темы. Эйнштейн ценил эту дружбу, называя их беседы одним из главных источников радости в последние годы жизни.

Теоремы о неполноте Гёделя², опубликованные в 1930-х годах, показывают, что в любой достаточно сложной системе, способной выражать арифметические истины, существует ограничение: такая система не может быть одновременно полной и непротиворечивой. Если система непротиворечива, то в ней обязательно найдутся истинные утверждения, которые невозможно доказать с помощью имеющихся в ней аксиом. Эти выводы Гёделя оказали влияние не только на математику, но и на другие сферы, включая лингвистику и философию языка. Параллели между формальными системами и человеческими языками подчеркивают ограничения, присущие языку, который, как и формальные системы, не может полностью и точно описывать реальность.

Язык — это сложная система, которая используется для описания и передачи информации о мире, и, как показал ряд философов, таких как Людвиг Витгенштейн, язык также не может в полной мере передать все аспекты реальности. Примером этого могут служить языковые парадоксы и многозначные высказывания, которые невозможно однозначно интерпретировать.

Ознакомьтесь с моей другой статьей «*Gödel's incompleteness theorems and the imperfection of human language*» («Теоремы о неполноте Гёделя и несовершенство человеческого языка»), опубликованной в *The Common Sense World*, где рассматривается взаимосвязь между знаменитыми теоремами о неполноте Гёделя и ограничениями человеческого языка. Работа демонстрирует, как фундаментальные математические концепции могут

² Gödel, K. (1931). Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. *Monatshefte für Mathematik und Physik*, 38, 173–198.

пролить свет на природу языка и его неспособность охватить всю полноту значений и понятий. Эта статья будет интересна тем, кто стремится глубже понять ограничения как формальных систем, так и языковых структур.³

Интерес к теоремам Гёделя проявился и в области вычислительной лингвистики, где формальные системы и алгоритмы используются для анализа и обработки естественных языков. Однако и здесь присутствуют ограничения, аналогичные тем, которые обнаружил Гёдель. Ни одна алгоритмическая система не может полностью охватить все аспекты человеческого языка, и даже самые современные системы искусственного интеллекта сталкиваются с трудностями при интерпретации сложных смыслов или контекстов. Это указывает на то, что любые попытки создать модель языка с использованием формальных методов неизбежно будут неполными.

Существуют направления, которые требуют дальнейших исследований. Одно из них — это понимание когнитивных механизмов, связанных с обработкой языка и смыслов в мозгу. Как мозг справляется с парадоксами и неясностями в языке? Могут ли быть разработаны формальные системы, которые бы лучше отражали нюансы человеческой речи? И, наконец, какие философские выводы можно сделать из теорем Гёделя для понимания языка и общения?

Теоремы о неполноте Гёделя оказывают значительное влияние на разработку искусственного интеллекта (ИИ), особенно в области моделирования человеческого

³ Kriger, B. (2024). Gödel's incompleteness theorems and the imperfection of human language. The Common Sense World.

мышления и понимания языка. Эти теоремы демонстрируют фундаментальные ограничения любых формальных систем, включая те, на которых базируются алгоритмы искусственного интеллекта. Понимание этих ограничений позволяет лучше осознать, какие задачи могут быть решены с помощью искусственного интеллекта, а какие выходят за пределы его возможностей.

Базируясь на моделях языка с использованием формальных методов, искусственный интеллект, скорее всего, никогда не сможет полностью имитировать человеческое мышление. Человеческий мозг, хотя и опирается на логические процессы, способен справляться с парадоксами, неопределенностью и нелогичностью, которые формальные системы не могут обработать. Например, люди могут понимать смыслы, которые зависят от контекста, интонации или эмоциональной окраски, что для искусственного интеллекта является чрезвычайно сложной задачей. Это также связано с тем, что человеческий язык и мышление выходят за пределы формализованных систем, которыми оперирует искусственный интеллект.

С учетом вышесказанного, теоремы Гёделя показывают, что любые попытки создания «всеобъемлющего» искусственного интеллекта, способного решать абсолютно все задачи, будут неизбежно ограничены. Однако это не означает, что искусственный интеллект бесполезен. Напротив, искусственный интеллект может эффективно справляться с широким спектром задач в пределах этих ограничений. Основной вызов для исследователей искусственного интеллекта заключается в том, чтобы осознать, где находятся эти границы и как

лучше использовать искусственный интеллект в тех областях, где его возможности максимальны.

Будущее исследований в этой области связано с попытками сделать искусственный интеллект более гибким в условиях неопределенности. Например, одно из направлений — разработка гибридных систем, сочетающих формальные и неформальные методы для обработки сложных языковых или когнитивных задач. Это включает использование вероятностных моделей, которые способны учитывать неопределенность и неоднозначность, не пытаясь «формализовать» всё до конца.

Теоремы неполноты Гёделя помогают ученым и разработчикам искусственного интеллекта осознавать пределы возможностей формальных систем и избегать ошибок в попытках создать универсальный искусственный интеллект, способный на всё. Эти ограничения подталкивают исследователей к более глубокому пониманию как человеческого мышления, так и тех методов, которые можно применить для создания эффективных систем искусственного интеллекта в пределах возможного.

Примечательно, что прорыв в области искусственного интеллекта связан в первую очередь с развитием именно языковых моделей, что, на первый взгляд, может показаться парадоксальным. Ведь человеку долгое время казалось, что наибольшие вызовы в создании искусственного интеллекта будут связаны с техническими задачами — способностью машины видеть, двигаться или ориентироваться в пространстве. Но оказалось, что именно язык, как древнейший инструмент человека, открывает перед искусственным

интеллектом возможности, которые ни одна другая система не могла предложить. Это связано с тем, что язык, являясь одновременно и средством мышления, и коммуникации, является ключом к пониманию мира, к структуре знаний и передаче опыта.

Современные языковые модели, основанные на нейронных сетях, олицетворяют собой технологический шаг вперед, который позволяет машинам не просто обрабатывать информацию, но и интерпретировать, создавать новые смыслы, понимать контексты. Искусственный интеллект перестает быть просто вычислительным аппаратом — он начинает «мыслить» языком, как это делает человек, хоть и на иной основе. Эта способность осмыслиения через речь открывает перед ним двери к тем пластам человеческой культуры, которые раньше казались недоступными для алгоритмов.

Примечательно, что развитие этих языковых моделей стало возможным благодаря эволюции самого представления о том, что такое речь и мышление. Если раньше считалось, что человек мыслит независимо от языка, а слова лишь служат инструментом выражения готовых мыслей, то теперь всё больше исследований склоняются к тому, что язык формирует само мышление. Таким образом, машины, обладающие продвинутыми языковыми моделями, получают возможность не просто анализировать данные, но и структурировать их, опираясь на аналогии, логические связи, культурные коды.

Этот аспект развития искусственного интеллекта напоминает о том, насколько сильно язык связан с человеческой культурой и мышлением. Если вдуматься,

то вся человеческая история — это в значительной мере история языка, его эволюции, формирования новых значений, передач символов и знаний. Поэтому создание искусственного интеллекта, основанного на языковых моделях, — это не просто технический прорыв, это новый этап взаимодействия человека и его культурного наследия с искусственным разумом. Машины начинают проникать в ту область, которая раньше считалась исключительно человеческой привилегией: понимание смысла, создание новых форм выражения, интерпретация многообразных контекстов.

Именно эта способность искусственного интеллекта к обработке и созданию речевых форм делает его высокоэффективным инструментом для общения и обучения. Машина, владеющая языком, а точнее, по крайней мере полусотней языков⁴, может становиться посредником между различными культурами, переводчиком между научными областями, даже компаньоном в творческих поисках. И в этом новом мире языковые модели играют роль не просто механизма для обработки текста, но некоего связующего звена между цифровым интеллектом и человеческой мыслью. Этот симбиоз, возможно, еще только начинается, но его потенциал уже поражает, и остаётся лишь догадываться, какие горизонты открываются перед человечеством, когда машины окончательно научатся не просто понимать нас, но и думать в той мере, в которой это делает человек.

⁴ Модель GPT-4о поддерживает более 50 языков, включая русский, японский, итальянский и многие другие. Она значительно улучшила работу с языками, которые не используют латиницу, и может эффективно обрабатывать текст на таких языках, как хинди или китайский. Это позволяет модели не только точно переводить текст, но и быстро переключаться между языками в реальном времени. Эти возможности делают GPT-4о мощным инструментом для глобальной коммуникации и устранения языковых барьеров.

Язык играет ключевую роль в человеческом сознании и коммуникации, формируя наше восприятие мира и взаимодействие с окружающими. Он позволяет нам делиться своими мыслями и переживаниями, внешне выражать внутренний мир. Однако язык — это не идеальный инструмент. Существуют значительные расхождения между нашими мыслями, эмоциями и тем, насколько точно мы можем их выразить с помощью слов. В результате часто возникает ситуация, когда язык не только помогает, но и ограничивает наше взаимодействие.

Перед нами возникает важный вопрос: насколько язык определяет и ограничивает наше сознание и коммуникацию?

Подробнее по поводу обсуждаемых здесь вопросов ознакомьтесь с моей статьей *Language and Consciousness: The Complex Interplay of Communication and Thought* в журнале *The Common Sense World*.⁵ «Язык и сознание: сложная взаимосвязь коммуникации и мышления», где подробно разбирается, как язык формирует наше восприятие и мышление, а также обсуждаются ограничения, связанные с его использованием в межличностной коммуникации.

Язык тесно связан с тем, как мы структурируем и выражаем свои мысли. Многие философы, в том числе Людвиг Витгенштейн⁶, утверждали, что «пределы моего языка означают пределы моего мира». Иными словами, если в языке отсутствует слово для какого-либо понятия, это затрудняет размышления о нём, а тем более передачу

⁵ Kriger, B. (2024). *Language and consciousness: The complex interplay of communication and thought*. *The Common Sense World*.

⁶ Wittgenstein, L. (1953). *Philosophical Investigations*. Blackwell.

его другим. Например, в некоторых культурах и языках могут отсутствовать слова для выражения определённых эмоций или абстрактных понятий, и это затрудняет их чёткую формулировку.

В работе Витгенштейна «Philosophical Investigations» («Философские исследования»), опубликованной в 1953 году, автор предлагает фундаментальные идеи о природе языка, мышления и их взаимосвязи. Эта работа стала ключевым текстом в аналитической философии и открыла новый подход к пониманию того, как язык структурирует наше восприятие реальности. Читатели, интересующиеся философией языка и когнитивными науками, найдут в этой книге массу ценного материала для размышлений.

Однако язык не в состоянии полностью передать сущность человеческого мышления. Наш разум работает на уровне, который часто выходит за рамки вербального выражения. Например, такие эмоции, как любовь, страх или благоговение, сложно точно описать, так как существующие слова не передают всю глубину этих переживаний. Это приводит к вопросу: можно ли с помощью языка выразить то, что мы действительно чувствуем или думаем? Разрыв между мыслью и языком приводит к тому, что даже самые красноречивые люди часто испытывают трудности с выражением своих внутренних ощущений, что ограничивает как их личное самовыражение, так и социальное взаимодействие.

С нейробиологической точки зрения процесс формирования языка состоит из нескольких этапов, начиная с генерации мысли и заканчивая интерпретацией услышанного собеседником. Мысли, которые могут существовать в виде комбинации нейронных сигналов и когнитивных образов, сначала должны быть преобразованы в слова. Уже на этом этапе возникают ограничения: нет прямого соответствия между мыслью и языковыми символами. Слова являются лишь приблизительными представлениями, и при попытке сжать сложный внутренний опыт в цепочку звуков неизбежно теряется часть информации.

После того как мысль вербализована, она должна пройти ещё несколько фильтров: движения мышц, создающие звуки, воздушные колебания, которые передают эти звуки, ухо, воспринимающее их, и, наконец, мозг слушателя, который расшифровывает и интерпретирует полученные сигналы. На каждом из этих этапов может произойти ошибка, недопонимание или искажение информации. Например, внешний шум или недостаточная артикуляция могут изменить звуковые волны, а когнитивные предвзятости или особенности восприятия собеседника могут исказить интерпретацию сказанного.

Одним из главных ограничений языка является его многозначность. Одно и то же слово или фраза может иметь разные значения в зависимости от контекста, интонации или уровня знаний собеседника. В повседневной коммуникации это приводит к недоразумениям и невозможности точно передать мысль. Более того, разные языки могут включать в себя различные культурные и когнитивные особенности, что

создаёт дополнительные барьеры для взаимопонимания.

Психолингвистические исследования показали, что в процессе общения люди зачастую бессознательно подстраиваются под речевые модели друг друга. Это явление, известное как «интерактивное выравнивание», помогает снизить степень неоднозначности, но далеко не всегда является надёжным. Многие нюансы смысла, особенно касающиеся эмоций или абстрактных понятий, остаются трудными для точной передачи.

Одним из возможных решений языковых ограничений является развитие технологий прямой коммуникации «мозг-мозг». Экспериментальные интерфейсы «мозг-компьютер» уже проходят испытания, и их потенциал для передачи мыслей напрямую от одного мозга к другому без использования слов становится очевидным. Хотя эта технология находится на ранних стадиях, она может революционизировать способы взаимодействия людей, исключив необходимость в вербальной речи. Однако остаются этические и технические проблемы, связанные с точностью, приватностью и добровольностью такого рода коммуникации.

Ограничения языка подчёркивают более широкие проблемы когнитивных наук, в том числе связанные с тем, как мы понимаем и определяем процесс мышления. Если язык является несовершенным инструментом для выражения мыслей, то как можно лучше изучать и объяснить процессы человеческого сознания? Одним из возможных направлений для будущих исследований может стать изучение когнитивных процессов, лежащих в основе невербальных форм коммуникации, таких как визуальная или эмоциональная когниция. Возможно,

они предложат более богатые средства самовыражения, чем одни только слова.

Язык — это важный, но несовершенный инструмент человеческой коммуникации, определяющий, как мы делимся мыслями, эмоциями и переживаниями. Несмотря на его значимость, язык ограничен на каждом этапе процесса передачи информации — от формирования мысли до её восприятия другим человеком. Будущие исследования, особенно в области нейробиологии и интерфейсов «мозг-мозг», могут предложить новые пути преодоления этих барьеров, улучшая точность и глубину человеческого взаимодействия.

Подобно тому, как в физическом пространстве люди различаются по своему социальному положению, так и в мире коммуникации их пути часто расходятся, несмотря на кажущуюся общность языка, который, по сути, является лишь поверхностной оболочкой более глубоких культурных и социальных структур. Власть, по Фуко, проявляется не только в явных политических или социальных институтах, но и в тончайших взаимодействиях, где нормы и ожидания от общения создаются дисциплинарными практиками.

Отправная точка для понимания языковых различий лежит в культурных корнях индивидов, которые, начиная с раннего детства, впитывают специфические формы мышления и выражения, закодированные в правилах общения их окружения. В школе, например, детей не просто учат грамматике или лексике — их учат определённым моделям мышления, структурированным вокруг культурных и социальных ожиданий общества. Эти модели потом переходят в взрослую жизнь,

становясь частью повседневной коммуникации, определяя как то, что люди считают важным, так и то, что они считают возможным для обсуждения.

Однако, взаимодействуя с людьми из других субкультурных или образовательных контекстов, индивиды часто сталкиваются с феноменом, который можно назвать "дискурсивным когнитивным барьером" — это ситуация, когда человек не в состоянии адекватно понять или быть понятым, так как его коммуникативные ожидания и формы выражения не совпадают с ожиданиями и формами его собеседника. Например, в криминальной среде существует своеобразный "язык чести", где каждое слово имеет определённый вес и может обернуться реальной угрозой, если не будет правильно интерпретировано. Эти тонкости не всегда понятны человеку, выросшему в иной культурной среде, где нет таких строгих языковых кодов.

Подобные различия также видны в академическом мире, где дискурс часто строится на основе строгих аргументативных структур, и от участников ожидается способность к абстрактному мышлению и использованию доказательной базы для подтверждения своих слов. Между тем, в обыденной жизни, особенно среди людей с минимальным образованием, такие формы взаимодействия могут быть восприняты как излишне сложные и непрактичные, вызывая лишь недоумение или раздражение. Эффективность коммуникации, таким образом, сводится не к языковой способности как таковой, а к способности адаптироваться к различным культурным и дисциплинарным кодам, которые формируют наше понимание смысла сказанного.

Исследование языковых практик с точки зрения идей Фуко о власти и знаниях позволяет увидеть, как тонко и незаметно социальные институты формируют не только то, что люди считают истиной, но и как они выражают и интерпретируют эту истину. Различные формы дисциплины, будь то через образование, социальные классы или субкультуры, создают особенные языковые миры, в которых коммуникация становится не просто передачей информации, а сложным сочитанием норм, ожиданий и скрытых правил, которые необходимо освоить для того, чтобы быть понятым.

В моей статье «*The role of disciplinary practices in shaping communication: A Foucauldian perspective*» «Роль дисциплинарных практик в формировании коммуникации: перспектива философии Фуко», опубликованной в *The Common Sense World*, исследуется влияние дисциплинарных практик на структуру и содержание человеческого общения через призму идей Мишеля Фуко. Статья рассматривает, как власть и контроль, осуществляемые через дисциплину, влияют на способы коммуникации и передачи знаний. Статья будет полезна тем, кто интересуется философией власти и коммуникации.⁷

Философы на протяжении долгого времени стремились создать универсальный язык, способный адекватно описывать реальность. Берtrand Рассел и Людвиг Витгенштейн сделали значительные усилия в этом направлении, стремясь устраниТЬ двусмыслиности языка и предложить логически последовательную систему для описания мира. Однако, несмотря на эти

⁷ Kriger, B. (2024). *The role of disciplinary practices in shaping communication: A Foucauldian perspective*. *The Common Sense World*.

попытки, стало очевидно, что создание языка, способного полностью охватить сложность реальности, является невозможным. Вместо этого различные языки оказываются взаимодополняющими инструментами, каждый из которых имеет свои ограничения и достоинства. Этот вопрос становится особенно острым на разных уровнях коммуникации, начиная от передачи сигналов и заканчивая смыслом слов и их контекстами. Когда речь заходит о философском дискурсе, в котором слова и концепции часто становятся предметом жарких споров, становится очевидным, что даже тщательные определения не могут предложить абсолютной ясности.

Этот вывод можно проиллюстрировать на примере диалогов Сократа, где попытки определения сложных понятий, таких как добродетель, неизбежно приводили к противоречиям. Так, в беседе с военачальником Сократ, пытаясь выяснить, что такая доблесть, показал, что любые определения военачальника сталкивались с логическими несоответствиями. В итоге стало очевидным, что даже такие фундаментальные понятия сложно точно определить с помощью языка. Таким образом, язык оказывается не только инструментом, но и преградой на пути к полному пониманию реальности.

В своих ранних работах Витгенштейн поддерживал идею о возможности создания универсального языка, однако в более поздних работах, таких как "Философские исследования", он отверг эту идею.

Витгенштейн утверждал, что значение слов зависит от контекста их употребления, и поэтому никакой язык не может универсально охватить весь спектр человеческого опыта. Эта мысль перекликается с диалогами Сократа, где выясняется, что даже самые точные определения неизбежно упускают важные аспекты определяемого понятия. Как показал Витгенштейн, слова не всегда передают истинную сущность того, что они стремятся описать, поскольку их значение постоянно меняется в зависимости от ситуации.

Рекомендую ознакомиться с моей книгой «Философия Людвига Витгенштейна. Логика языка и его ограничения: Как язык определяет наш мир?», в которой исследуются ключевые идеи Витгенштейна о природе языка и его влиянии на наше восприятие мира и подробно разбираются концепции, связанные с логикой языка и его ограничениями, демонстрируя, как язык формирует наше понимание реальности.⁸

Иммануил Кант в своей "Критике чистого разума" создал сложную систему понятий и терминов, что ещё больше осложнило попытки осмыслить его философию. Как указывал Мераб Мамардашвили, Кант, пытаясь объяснить свои идеи, создавал круг рассуждений, в котором он использовал термины, требующие дальнейшего объяснения.⁹ Это демонстрирует трудности, связанные с использованием языка для описания сложных философских концепций, лежащих на грани человеческого понимания. Проблема языковой сложности также проявляется в работах Мартина

⁸ Кригер, Б. (2023). Философия Людвига Витгенштейна. Логика языка и его ограничения: Как язык определяет наш мир? ALTASPERA.

⁹ Mamardashvili, M. (1991). Kantian Variations: Philosophical Investigations. Progress Publishers.

Хайдеггера, чьи философские термины трудно понять даже на его родном немецком языке. Некоторые исследователи утверждают, что ключевые идеи Хайдеггера оказываются почти непереводимыми, что подчёркивает трудности философского языка.

Как указывал Фридрих Ницше, люди создают "сети" терминов, с помощью которых они пытаются уловить реальность, но эти сети всегда ограничены размерами своих ячеек — пробелами в нашем понимании.¹⁰ Метафоры, которые часто используются на ранних этапах философского анализа, помогают преодолеть эти пробелы, но часто приводят к неясным или неполным представлениям о реальности. Работы Мишеля Фуко показывают, как понятия, такие как "жизнь", появляются только в результате определённых исторических условий, что иллюстрирует, как даже фундаментальные категории могут изменяться со временем.¹¹

В отличие от западной философской традиции, стремящейся к точности через определения, даосизм принимает невыразимость реальности. Согласно даосскому учению, любая попытка определения мира приводит к недоразумению. Как Лао Цзы утверждает в книге "Дао дэ цзин"¹², "Дао, которое может быть выражено словами, не является истинным Дао".

¹⁰ Nietzsche, F. (1967). On the Genealogy of Morals (W. Kaufmann, Trans.). Vintage Books.

¹¹ Foucault, M. (1976). The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception. Vintage Books.

¹² Laozi. (1993). Tao Te Ching (D. C. Lau, Trans.). Penguin Classics.

Это означает, что сам акт определения чего-либо ограничивает наше понимание этого, так как язык накладывает искусственные границы на реальность, которая по своей природе бескрайняя. Даосизм, таким образом, критикует западный подход к языку, подчеркивая важность мудрости, существующей за пределами слов.

В конечном итоге философские попытки создания универсального языка, способного точно описывать реальность, оказались недостижимыми. Логический атомизм Рассела¹³ и поздний лингвистический скептицизм Витгенштейна демонстрируют, как язык ограничен в своих возможностях.

В моей статье «*Philosophical language and the limits of definition: Analyzing the boundaries of meaning*» («Философский язык и пределы определения: анализ границ смысла»), опубликованной в *The Common Sense World*, исследуются пределы возможностей философского языка в даче определений и их влияния на наше понимание смысла. Работа фокусируется на том, как язык может ограничивать или расширять границы мышления. Это будет полезное чтение для тех, кто интересуется философией языка и проблемами определения значений.¹⁴

¹³ Russell, B. (1918). *The Philosophy of Logical Atomism*. Routledge.

¹⁴ Kriger, B. (2024). *Philosophical language and the limits of definition: Analyzing the boundaries of meaning*. *The Common Sense World*.

И вот, размышляя обо всём этом, я обращаюсь к примеру сути библейских притч, что так часто упускается, когда люди цепляются за внешний облик рассказа, за его контекст, будто бы это само повествование способно в себе заключить истину. Но истина ведь скрыта не в десяти талантах, не в денарии, который трудящийся получает. Притча — это не простое зеркало действительности, она уводит сознание к нечто более высокому, к внутреннему прозрению, а не внешней форме, что столь легко обманчива.

Философы, размышляющие о концепте, давно заметили, что каждый концепт не только передает реальность, но сам по себе творит её. И от того, как мы трактуем эти образы, зависит наше восприятие действительности. В этом возникает особая опасность: не замечая, как концепт формирует наш мир, мы можем оказаться в искусственной реальности, где внешний мир замещён симулякрами, этими псевдореальностями, которые описывал французский социолог и философ Жан Бодрийяр. Мы существуем среди декораций, что принимаем за истинное, не понимая, что это всего лишь декорации, скрывающие под собой пустоту. Но ведь человек устроен так, что его душа не может долго пребывать в пустоте, и, следовательно, эта реальность начинает жить своей жизнью, наполняться иллюзиями, под которые подстраивается сам человек, становясь заложником своего собственного воображения. Так, весь XX век в России — это век создания новой реальности, которая отнюдь не соответствовала действительному положению вещей, но настолько проникла в сознание людей, что перестала восприниматься как ложная.

Оруэлл в своём мрачном пророчестве о новоязее лишь

продолжил эту мысль, показав, что идеология, даже отрицающая свою идеологичность, создаёт собственный мир, в котором её подчинённые живут и которым дышат. Эти люди, живущие по чужим правилам, уже не способны видеть границу между настоящим и придуманным. Здесь вступает в игру язык, о котором Витгенштейн говорил с особым вниманием. Он утверждал, что язык — это не просто средство общения, это своего рода игра, в которой мы все участвуем. В каждой игре свои правила, и мы подчиняемся этим правилам, не осознавая их искусственности. Форма жизни, как он это называл, является частью той самой языковой игры, и никто не задаётся вопросом, почему всё так устроено, ведь это воспринимается как данность. Но стоит ли смиряться с этой данностью, когда за языком скрываются такие мощные силы, способные управлять нашими жизнями, ставить рамки и ограничивать наш мир?

И вот тут мы вновь сталкиваемся с тем, что реальность, как мы её понимаем, — это, возможно, лишь текст, не более чем набор знаков и символов, которыми мы описываем то, что, по нашему мнению, существует. Ведь как только мы начинаем вдумываться в суть реальности, нам открывается любопытный парадокс: она определяется через саму себя. Когда вы открываете философский словарь¹⁵ и пытаетесь найти ясное определение реальности, то обнаруживаете, что реальность есть то, что существует, а существующее, в свою очередь, и есть реальность. Закольцованное

¹⁵ *Реальность* (благодаря средству реализации) приписывается всему тому, что может возникнуть и возникло во времени (см. Необходимый), что существует и является преходящим. Schmidt, H. (1961). Философский словарь (14th ed.). Moscow: Издательство. (Original work published 1912).

определение не выводит нас ни к какому новому знанию, и тем самым как будто подтверждает, что реальность — это не нечто внешнее, а продукт нашего собственного сознания, закодированный в форму текста, в форму языка, через который мы её воспринимаем. Так, обрачиваясь на прошлые размышления о языке, мы понимаем, что реальность действительно создаётся через те самые языковые конструкции, которые мы считаем неотъемлемыми от жизни, но которые, в сущности, являются лишь одной из множества возможных форм осмыслиения бытия.

Возвращаясь к теме языка, мы видим, как он ограничивает восприятие, и эти границы проявляются на разных уровнях — от простого кодирования и декодирования сигналов, которое само по себе уже является фильтрацией действительности, до сложностей в точных определениях, которые, казалось бы, должны облегчать наше понимание мира, но порой лишь ещё больше его запутывают. Особенно это заметно в тех сферах, где точность критична — например, в юриспруденции, где каждый закон начинается с попытки дать чёткие определения вещам, которые кажутся самоочевидными. И вот тут открывается комичность ситуации, когда в законодательных текстах встречаются формулировки вроде «водоём — это масса воды, заключённая в определённые границы». Мы смеёмся над очевидностью такого определения, но оно лишь подчёркивает ту проблему, что любое слово, любое понятие требует обрамления, формулировки, и даже самые простые вещи могут быть интерпретированы по-

разному.

И здесь несложно вспомнить спектакль, разыгравшийся на мировой арене в 90-е годы, когда Билл Клинтон, президент одной из величайших держав, стоял перед конгрессменами и говорил о том, что такое сексуальные отношения. В тот момент весь мир был свидетелем, как лидер нации с серьёзным лицом пытался пересмотреть саму природу того, что многие считают интуитивно понятным. Клинтон утверждал, что то, что он имел с Моникой Левински, не являлось сексуальными отношениями, и это заявление как будто открывало перед нами пропасть, где даже самые базовые человеческие понятия могут быть подвергнуты сомнению. Содержание меняется, как только меняются слова, как только контекст сдвигается, и даже такое конкретное понятие, как сексуальные отношения, может быть пересмотрено, переосмыслено и представлено в новом свете.

Язык оказывается не просто средством выражения, а мощным инструментом манипуляции восприятием реальности. Мы, люди, наделённые интуитивным знанием того, что есть что, часто оказываемся в ловушке этих языковых игр, когда смысл простых вещей может быть изменён в угоду тем, кто владеет словами и знает, как управлять ими.

Как возможно вести диалог в обществе, где разговоры превращаются в какофонию, где каждый пытается перекричать другого, не слыша его слов и не понимая его мыслей. Мы часто наблюдаем этот феномен на телевизорах, где уважаемые, образованные люди, чья репутация должна предвещать спокойное и обоснованное обсуждение, вместо того вступают в

грубые перебранки, в которых содержание теряется за громкостью голосов. Эти сцены напоминают нецивилизованные дебаты, а хаотичный базар, где люди кричат друг на друга, лишённые даже малейшей возможности вникнуть в позицию собеседника. И действительно, как можно вести такой диалог, если его участники не готовы к пониманию? Причина, возможно, скрыта не только в культуре, но и в самом подходе к коммуникации.

Здесь невольно вспоминается мысль Людвига Витгенштейна о том, что понимание напрямую связано с опытом, с тем жизненным багажом, который несёт каждый человек. Это не просто вопрос знания или образования, но и вопрос того, через что человек прошёл, какие чувства и переживания ему известны. Витгенштейн указывал на то, что одна и та же концепция может восприниматься совершенно по-разному в зависимости от возраста, культурного контекста или даже биологических особенностей. Взять хотя бы понятие любви: дети, произнося это слово, вкладывают в него совершенно иной смысл, чем взрослые, потому что они не испытали тех глубинных, интимных ощущений, что приходят с годами, с накопленным опытом. Детская любовь — это невинность, привязанность, но она далека от той телесной, чувственной любви, что известна взрослым людям. И это различие невозможно преодолеть через одно лишь объяснение — ребёнку невозможно передать этот опыт до тех пор, пока его организм, его сознание не достигнет зрелости.

И вот этот аспект, касающийся того, как возраст и опыт влияют на восприятие понятий, также перекликается с

проблемой диалога между разными культурами и поколениями. Мы можем говорить одни и те же слова, но за ними стоят совершенно разные смыслы

Понимание — это процесс, который созревает вместе с личностью. И если мы используем одни и те же слова, это не значит, что мы говорим на одном языке. Так и в дебатах, каждый может использовать одинаковые термины, но в результате их смысл будет различаться, поскольку они происходят из разных жизненных контекстов, из разных культурных и индивидуальных переживаний. Это вечная проблема человеческого общения, когда мы, произнося слова, не всегда осознаём, что за ними скрывается для другого человека совсем иной смысл, и потому диалог превращается в хаос, в какофонию звуков, где никто не слышит и не понимает друг друга.

Слово "любовь" в русском языке и его греческих аналогах прекрасно иллюстрирует ту глубину проблемы, с которой мы сталкиваемся при переводе и интерпретации. Когда мы говорим, что Бог есть любовь, как это сказано в Евангелии от Иоанна, мы, не задумываясь, переносим на этот божественный образ человеческие представления о любви, что особенно ярко выражено в языке, где под словом "любовь" подразумевается и чувственная страсть, и дружеская привязанность, и даже безусловная жертвенность. Но в греческом языке существует целая палитра понятий, каждое из которых описывает свой уникальный аспект этого чувства. Эрос — это любовь плотская, связанная с желанием и страстью, тогда как агапэ — это любовь бескорыстная, жертвенная, та, что даётся без всяких условий. Филия — это братская, дружеская любовь,

которая может возникнуть между равными, а не между богом и человеком. И вот когда человек, читая перевод, встречает это слово, он бессознательно вкладывает в него своё, человеческое, порой слишком узкое понимание, ожидая от Бога того, что присуще взаимоотношениям между людьми — ласковой, теплотной любви, почти сентиментальной заботы.

Однако Иоанн, скорее всего, подразумевал агапэ, эту любовь безмерную и всеобъемлющую, где Бог не просто "любящий", но и жертвующий собой ради спасения человечества. И это различие в понимании слова создаёт целый разрыв между тем, что было задумано первоначально, и тем, как это воспринимается в разных культурах и языках. Это пример того, как отсутствие точного понятия в одном языке может привести к недоразумениям и даже разочарованиям. Люди начинают ожидать от религиозных текстов одного, а получают совсем другое, поскольку само понятие, через которое они понимают любовь, оказалось недостаточно ёмким, чтобы охватить все оттенки и нюансы, заключённые в оригинале.

Так же, как у народов Крайнего Севера нет абстрактного понятия "солнца", но есть множество терминов, описывающих его положение на горизонте, отражающих их опыт, зависящий от долгих месяцев полярной ночи и дня, от условий жизни, где точное положение светила жизненно необходимо. Это приводит к тому, что их язык, фокусируясь на практической стороне наблюдения за солнцем, не нуждается в абстрактном общем понятии. И попробуйте это передать в другом языке — сразу же столкнётесь с трудностью, потому что для других культур солнце — это универсальный символ, понятие,

не требующее столь детального расчленения на отдельные состояния.

Эти примеры прекрасно подводят нас к мысли о том, насколько сложна сама идея универсального понимания.

Проблема общения с инопланетными существами ставит перед нами важные вопросы о природе языка, мышления и общего опыта. Люди, которые говорят на одном языке, часто сталкиваются с трудностями взаимопонимания из-за различий в жизненном опыте и культурном контексте. Когда мы пытаемся представить общение с инопланетной цивилизацией, эти сложности многократно возрастают. Могут ли существа с совершенно иной концепцией реальности, отличной от нашей, понять то, что для нас кажется само собой разумеющимся? Что, если их способы мышления и восприятия мира кардинально отличаются от человеческих?

Философ Мераб Мамардашвили через призму феноменологии подчеркивал, что для понимания другой культуры недостаточно просто перевести слова — нужно осознать ту систему опыта и мышления, которая стоит за ними. Он предлагал представить ситуацию, когда инопланетяне попали в земной театр: они могли бы видеть актеров, наблюдать за реакцией зрителей, но полностью не понимать происходящего. Для них это было бы лишено смысла, ведь они не владеют теми культурными кодами, которые делают спектакль понятным для людей. Эта идея иллюстрирует важную мысль — недостаточно просто делиться информацией, нужно, чтобы обе стороны имели общий опыт и схожие способы осмыслиения реальности.

Такая проблема возникает и в случае гипотетической

телепатической коммуникации с инопланетянами, что часто обсуждается в научной фантастике. На первый взгляд, телепатия могла бы решить проблему языкового барьера, но мысль сама по себе не всегда четко сформулирована. Ментальные образы и концепции часто бывают расплывчатыми и требуют языка для их уточнения. Без слов и контекста мысли могут остаться абстрактными, а попытки телепатического общения могут привести лишь к передаче простых и базовых понятий, таких как чувство голода или страха. Более сложные идеи, такие как философские или эмоциональные концепты, требуют структурирования через язык.

Кроме того, даже если бы телепатия позволила передавать мысли напрямую, остается вопрос их интерпретации. Если инопланетные существа обладают иной нейрофизиологией и когнитивной архитектурой, они могли бы воспринять наши мысли, но как они их интерпретировали бы? Могли бы они понять тот смысл, который мы вкладываем в эти мысли, или воспринимали бы их через призму своих собственных когнитивных схем? Как подчеркивает Мамардашвили, даже если инопланетяне «слышат» наши мысли, они не обязательно понимают их в том же ключе, как понимаем мы.

Эта проблема связана с тем, что восприятие и понимание мира у каждого вида (или даже у каждой культуры) формируются на основе уникального набора факторов — биологических, исторических и социальных. Человеческий мозг настроен воспринимать реальность через культурные фильтры, которые определяются нашим жизненным опытом и социальными

взаимодействиями. Это можно наблюдать даже в рамках человеческих культур: разные языки по-разному классифицируют цвета или концепции времени. Если различия внутри человеческого рода могут быть столь значительными, то можно предположить, что между людьми и инопланетянами когнитивные барьеры будут еще более непреодолимыми.

Идея о том, что культурный и когнитивный контексты определяют понимание и восприятие, также указывает на сложность общения с инопланетными цивилизациями. Язык служит не просто средством передачи информации, но и отражением нашего мировоззрения, нашего способа структурирования опыта. Чтобы установить контакт с другой цивилизацией, нам нужно не просто разработать общий язык, но и понять, как они воспринимают и интерпретируют реальность. Это требует глубокого междисциплинарного исследования на стыке когнитивной науки, лингвистики и философии.

Научная статья под названием *The Challenge of Interstellar Communication: Linguistic and Cultural Barriers in Human and Alien Contact* («Проблема межзвездной коммуникации: Лингвистические и культурные барьеры в контакте между людьми и инопланетянами») опубликованная мной в *Global Science News* рассматривает вопросы, связанные с возможными трудностями общения с внеземными цивилизациями. Он подчеркивает важность лингвистических и культурных аспектов, которые могут стать значительными препятствиями в установлении взаимопонимания между разными видами. Статья будет любопытна для тех, кто интересуется межзвездными коммуникациями и

внеземной жизнью.¹⁶

Загадка языка, его глубинная связь с человеческим сознанием – это тема, которой можно было бы посвящать целые тома. Невозможно не согласиться с тем, что запись мыслей, желаний или планов будто бы наполняет их неким реальным весом. Когда наши намерения переходят в область слов, они обретают форму, становятся ощутимыми. Возможно, именно в этом и заключается суть того, о чём упомянул Кант – мысли действительно не существуют в полной мере, пока не обретут словесного выражения. И как же часто мы находим, что наши собственные идеи и переживания становятся понятными только тогда, когда их удалось оформить в речь.

Эволюция языка идёт параллельно с изменениями в обществе. Глобализация, развитие технологий, миграции – всё это постепенно переплавляет языковые границы. Мы становимся свидетелями удивительного явления: рождается новое поколение людей, для которых многоязычие – не просто привилегия, а насущная необходимость. В таких семьях, где один родитель говорит на одном языке, другой – на другом, а общение в обществе требует знания ещё третьего, язык становится чем-то гибким и многоуровневым. Детям приходится балансировать между несколькими языками, и в итоге они обогащаются культурно и интеллектуально, создавая некий новый лингвистический код, свой собственный.

Мамардашвили, размышляя о катастрофе, произошедшей в 1917 году, обнажил важнейший пласт

¹⁶ Kriger, B. (2024). The challenge of interstellar communication: Linguistic and cultural barriers in human and alien contact. Global Science News.

перемен, которые коснулись не только социума, но и самого языка. Он отметил, что эта антропологическая катастрофа выразилась в рождении нового, грубого языка — языка улицы, языка Шариковых, который стал официальным и вытеснил прежний, тонкий и интеллектуальный дискурс. Зощенко и Платонов с редкостной проницательностью изобразили этот феномен, показывая, как новый язык стал универсальным средством выражения и государственной, и общественной мысли. Но этот язык стал не просто упрощённым — он символизировал разрыв с прежней культурной традицией. Исчезли не только слова, но и сама возможность выразить сложные философские идеи теми средствами, которые существовали прежде. Тонкий, изысканный язык, который служил передаче глубоких мыслей, оказался на обочине. Превратности истории вытолкнули этот язык за пределы публичного пространства, оставив в нём лишь язык простых, элементарных утверждений.

Приглашаю вас ознакомиться с моей книгой под названием «Философия Мераба Мамардашвили: Сознание и мышление: Как мы думаем?». ¹⁷

Однако, здесь возникает вопрос: не стоит ли винить саму интеллигенцию в том, что она позволила такому языку овладеть обществом? Ведь именно интеллигенция, а не те, кто пришёл к власти, заложила основу для революции. Те самые люди, кто мыслил возвышенно, рассуждали о философии и высоких материях, в итоге привели к изменению социального ландшафта, который оказался разрушительным и для них самих. История, как

¹⁷ Кригер Б. Философия Мераба Мамардашвили: Сознание и мышление: Как мы думаем? — ALTASPERA, 2023.

это часто бывает, обернулась против своих творцов, и те, кто был вдохновителем перемен, стали жертвами новой системы. Французская революция дала немало подобных примеров, и каждый раз новая эпоха начинала с того, что свергала своих прежних лидеров.

Но, пожалуй, здесь важнее иной аспект — разговор о самом диалоге. Много столетий философы и мыслители пытались создать систему общения, в которой истина должна была быть итогом каждого диалога, где спор не разрушает, а возвышает участников. Однако, парадокс в том, что, несмотря на многовековые усилия, человек часто вступает в беседу не ради поиска истины, а ради собственных целей. Диалог, загрязнённый тщеславием, стремлением доказать свою правоту, эгоизмом, часто превращается в фарс, где истина не важна, а главное — показать превосходство над оппонентом. Этот процесс может идти скрытно: вместо поиска общего знаменателя, участники диалога начинают подменять его показной учёностью, демонстрацией своих знаний, или, напротив, злобными нападками на слабости собеседника. И в результате истина ускользает.

Редко говорят о том, что сам диалог требует внутренней дисциплины, самоограничения. Перед началом беседы нужно договориться хотя бы о правилах игры. К примеру, не торопиться разрушать аргументы оппонента до того, как он выскажетя полностью, не прерывать его, давая ему возможность раскрыть всю свою мысль. И лишь тогда можно начать истинный диалог, который будет не средством самовыражения, а поиском чего-то большего, чем просто победы в споре.

Форма, о которой идёт речь, действительно подразумевает не диалог, а скорее навязывание

определенной картины мира. Это своего рода монолог, замаскированный под беседу, в котором одна сторона не пытается слушать и понимать, а стремится утвердить свою версию реальности. Человек, попадающий в такую ловушку, вынужден либо принять эту картину, либо оказаться на её периферии, где его мнение становится несущественным. Так рождается коммуникация, лишённая подлинного взаимодействия, где речь, по сути, обращена не к равноправному собеседнику, а к зеркалу собственных убеждений.

Однако самое трагичное заключается в том, что даже при искреннем желании вести диалог, столкновение с фантомами неизбежно. Человек, с которым ведётся беседа, нередко понимает лишь малую часть сказанного. И даже эта часть может оказаться искажённой его собственными эмоциями, предвзятостями, или теми ключевыми словами, которые вызывают у него ассоциации и реакции, далекие от истинного смысла сказанного. В результате беседа быстро превращается в спор с воображаемым противником, где каждый участник проецирует на другого собственные страхи, комплексы и стереотипы. Эмоциональная реакция начинает подменять осмысленное восприятие, и уже не имеет значения, что именно было сказано. Человек реагирует на ключевые триггеры — отдельные слова или фразы, вызывающие в нём отклик, но не обязательно имеющие отношение к сути разговора.

Возникает причудливая ситуация, когда диалог превращается в театр теней: участники взаимодействуют не друг с другом, а с собственными фантазиями. Даже если сохраняется видимость высококультурного общения, на деле оба собеседника ведут диалог не с

реальным человеком, а с его фантомом. Они спорят с аргументами, которые никогда не звучали, опровергают идеи, которых не было, и победно разрушают мысленные конструкции, существующие лишь в их собственном воображении. Особенно ярко это проявляется в случаях, когда остаются записи бесед. Прослушивая или просматривая их снова, можно отчётливо увидеть, что то, с чем спорили, вовсе не то, что было сказано. И тогда реальность диалога окончательно растворяется в сюрреальном мраке.¹⁸

Когда возникает вопрос, который сам по себе создаёт новую реальность, то собеседник невольно начинает воспринимать эту предложенную реальность как данность, погружаясь в неё и опираясь на её положения. Вопрос становится ловушкой, заставляя того, к кому он обращён, исходить из постулатов, которые изначально могли быть чуждыми, но теперь принимаются за основу. Это один из мощнейших инструментов воздействия, когда не аргументы убеждают, а само построение вопроса вынуждает изменить угол зрения.

Диалог с искусственным интеллектом обладает рядом преимуществ. Он не перебивает, всегда готов внимательно слушать и анализировать, помогая находить точные ответы. Искусственный интеллект также лишён скрытых мотивов и всегда стремится к объективности. Это делает общение с ним структурированным и предсказуемым, что создаёт идеальные условия для обсуждений или решения задач, требующих чёткого анализа и понимания.

¹⁸ Kriger, B. (2024). The paradox of dialogue: How ego and preconceptions distort the path to truth. The Common Sense World.

Эпохи, конечно, сменяются, с ними меняется язык, способы коммуникации. Даже могущественные империи, которые казались вечными, в конечном итоге исчезают, уступая место новым государствам и формам правления. Философия же, находясь вне временных рамок, устремляется за пределы этих конкретных явлений, проникая в суть процессов, а не задерживаясь на их поверхностных проявлениях. Любой человек, который стремится к философскому осмыслению мира, невольно выходит за рамки текущих событий, он обобщает и возвышается над эпохами, видя их как временные вехи на пути человечества. Ведь попытка погрузиться в частности неизбежно втягивает в политику, в борьбу за конкретные интересы, а это уже совершенно другая сфера. Политика, как движение здесь и сейчас, требует не философского обобщения, а прагматического решения, и потому она чужда настоящему философу, который ищет не выгоды, а смысла.¹⁹

Вместе с тем, критика в этом несовершенном мире — дело лёгкое. Любая вещь, любой процесс открыты для критики, ведь мир в своей сути устроен так, что всегда найдётся что-то, что можно улучшить или осудить. И, по большому счёту, сама по себе критика — это не столько способ понять реальность, сколько инструмент, позволяющий отклоняться от неё, фокусируясь на отдельных недостатках. Но важно помнить, что уход в морализаторство, в вопросы добра и зла, хотя и кажется благородной задачей, в конечном итоге отдаляет от сути того, что представляет собой язык. Ведь язык — это не просто инструмент передачи морали или идеалов. Язык

¹⁹ Kriger, B. (2024). The role of philosophy beyond politics and epochs: A critical perspective. The Common Sense World.

— это способ ухватить реальность, ту реальность, которая часто искусственно создаётся и трансформируется средствами массовой информации.

Реальность симулякра, в которой многие современные люди вынуждены существовать, по сути своей оторвана от того, что можно назвать настоящим бытием. Люди попадают в ловушку картин и образов, которые им внушают через медиапространство, и принимают их за истину, хотя на самом деле это лишь видимость, пустая оболочка, имитация. Эта симуляция становится настоящей реальностью для тех, кто не в состоянии взглянуть за её пределы, и тем самым размывается грань между подлинным и иллюзорным. Именно здесь философия пытается проникнуть глубже, стремясь разглядеть за экраном этой искусственной реальности подлинное содержание.

Язык, конечно, в этом процессе нейтрален. Он сам по себе не создаёт симулякры, не лжёт и не вводит в заблуждение. Это делает человек, который использует язык как средство манипуляции. И тут возвращаемся к той мысли, что язык может быть либо инструментом познания, либо инструментом власти. В руках философа язык становится путём к истине, способом распутывать клубки сложных вопросов и находить за кажущимся реальность. В руках же политика язык может превратиться в оружие, которое создаёт фальшивую картину мира и заставляет людей жить в этой иллюзии, принимая её за правду.

Причина, по которой общество не продвигается в улучшении коммуникации сложных понятий, кроется в самой природе этой коммуникации и её месте в современном мире. Обмен простыми идеями, как в

случае финансовых транзакций, легко организуем и не требует особых усилий для достижения точного взаимопонимания. Это функциональная область, где цифры и результаты предсказуемы, и малейшая ошибка тут сразу заметна. Однако когда речь идёт о более сложных, абстрактных понятиях, таких как философские, этические или политические идеи, границы взаимопонимания становятся размытыми. Язык, как основной инструмент общения, обременён субъективными смыслами, которые каждый человек приписывает словам, исходя из собственного опыта, воспитания и окружения.

Здесь же проявляется и основная проблема — общество, несмотря на все свои достижения, не движется в сторону решения вопроса непонимания между людьми. Во многом это связано с тем, что текущая культура коммуникации и сам язык формировались под влиянием исторических и культурных условий, в которых точное понимание между людьми не всегда было первостепенной задачей. Наша культура диалога, безусловно, является плодом огромных усилий, но её цель заключалась скорее в поддержании определённых социальных и политических структур, чем в создании среды для свободного и глубокого обмена идеями. Более того, культурные нормы ведения диалога, обучаемые в системе просвещения, часто формируют человека, который способен лишь ограниченно понимать других, особенно в условиях, где на первый план выходят эмоции и стереотипы.

В последние десятилетия этот процесс ещё более обострился. Система образования постепенно утрачивает свои функции как места, где учат глубокому

мышлению и эффективной коммуникации. Современное общество потребления диктует свои правила: знание становится товаром, а язык используется не для поиска истины, а для продвижения продукта. Средства массовой информации служат этому процессу, предлагая упрощённые, часто эмоционально насыщенные формы коммуникации, которые легко вызывают отклик у публики, но не требуют от неё глубокого осмысления. В таком контексте манипуляция становится неотъемлемой частью коммуникации. Люди реагируют на ключевые слова, эмоциональные триггеры, которые побуждают их к определённым действиям, и тем самым создают иллюзию понимания, когда на самом деле каждый воспринимает лишь те фрагменты, которые близки его личному опыту.

Почему общество не стремится сделать процесс коммуникации более эффективным? Ответ, вероятно, заключается в том, что сложные и честные коммуникации просто не востребованы в том мире, где главная цель — это не достижение истины, а реализация краткосрочных целей, будь то экономические выгоды или политическое влияние. Простота в диалоге, подкреплённая эмоциональными манипуляциями, оказывается гораздо более действенной и выгодной. Более того, сложные идеи требуют не только умения мыслить абстрактно, но и готовности потратить время и силы на их обсуждение. В условиях быстрого потребления информации, где внимание человека постоянно рассеяно, такие усилия кажутся излишними.

Такое положение вещей формирует круг: отсутствие культуры глубокого общения порождает всё меньше интереса к сложным идеям, а это, в свою очередь, делает

общество ещё более уязвимым перед манипуляциями. Образование и средства массовой информации, вместо того чтобы направлять людей к критическому осмыслинию и развитию умения вести сложные диалоги, только усиливают этот процесс, превращая язык в инструмент для создания удобных для управления реальностей, где настоящего понимания нет и быть не может.

Будущее языка и коммуникации представляется сложным процессом, который напрямую связан с трансформацией самого человека. Если рассматривать человеческую историю как попытку вырваться за пределы естественных ограничений, то язык неизбежно станет объектом этих изменений. Сегодня люди всё чаще размышляют о том, что произойдёт с языком в свете стремительных технологических и биологических изменений, и это ставит вопрос не только о будущем слов и фраз, но и о том, как изменится сам носитель языка – человек.

С развитием технологий, таких как искусственный интеллект, интернет и биоинженерия, человек начинает менять не только свои физические возможности, но и способы мышления и общения. Одной из гипотез является то, что традиционные формы языка могут уступить место более интуитивным и быстрым способам передачи информации. Здесь возникает вопрос о возможности телепатического общения или передачи мыслей напрямую, минуя языковые конструкции. Эта идея, на первый взгляд фантастическая, может стать реальностью благодаря развитию технологий,

позволяющих напрямую соединять мозги с цифровыми системами. Уже сейчас эксперименты по интерфейсам "мозг-компьютер" открывают перспективы того, что коммуникация будущего может стать значительно более "прозрачной", без необходимости в словесных конструкциях. Однако этот процесс также поднимает множество вопросов: будет ли это означать отказ от привычного языка, или же новый способ общения станет дополнением к уже существующим? Полный отказ от языка кажется маловероятным, ведь язык — это не просто средство коммуникации, но и важнейший элемент культуры и идентичности.

Трансгуманизм, о котором упоминается, — движение, связанное с улучшением и расширением человеческих возможностей, — предлагает множество путей для будущего языка. Если физическое и умственное состояние человека будет меняться с помощью технологий, это, безусловно, отразится и на его способности к коммуникации. Увеличение продолжительности жизни, усиление когнитивных способностей и даже возможность передачи информации через имплантированные устройства изменят саму природу общения. В результате могут возникнуть новые языковые системы, способные гораздо быстрее и эффективнее передавать абстрактные и сложные понятия. Эти новые системы могут быть основаны на кодах, алгоритмах, визуальных образах или интуитивных сигналах, понятных только тем, кто будет подключён к новому виду "языковой сети".

Тем не менее, не следует забывать, что язык — это не просто средство передачи информации, но и способ выражения эмоций, отношений, культуры. Любая

попытка свести его к механическому обмену данными рискует лишить коммуникацию той многослойности и глубины, которая существует сегодня. Эмоции, интонации, культурные ассоциации — всё это может быть утрачено при переходе к более технологизированным способам общения. И если компьютеры и сети действительно позволят человеку иначе воспринимать и обрабатывать информацию, это не означает, что человек откажется от тех традиционных способов выражения, которые веками формировали его идентичность.

Вероятнее всего, будущее языка окажется гибридным. С одной стороны, будут развиваться новые формы общения, более эффективные и быстрые, с другой стороны, язык как культурное и социальное явление сохранит свою важность. Люди могут начать использовать языки в новых контекстах, где они будут сочетаться с технологическими инструментами. Возможно, письменная и устная речь станет менее востребованной в повседневной коммуникации, но сохранит своё значение в искусстве, литературе, философии, где эмоции, оттенки смысла и эстетика имеют особое значение.

Так или иначе, прогнозировать будущее языка сложно, ведь оно тесно связано с тем, как изменится сам человек. И, как правильно подмечено, мы не можем предсказать отдалённые последствия всех этих изменений, ведь их истинные результаты могут стать ясными только спустя десятилетия или даже века. Будет ли это мир, где человек общается через импланты и мысленные сигналы, или мир, где язык сохранит свою традиционную форму, но будет дополнен новыми способами коммуникации,

покажет только время.

Во времена Ницше и Канта обсуждения о будущем человека в основном сосредотачивались на философских и моральных вопросах, касающихся человеческой природы, разума, свободы и воли. Ницше, размышляя о сверхчеловеке, видел этот идеал как результат внутреннего самосовершенствования, преодоления слабостей и недостатков, присущих человеку, стремления к высшему состоянию духа и силы. Он не мог предположить, что эволюция может принять технологический вектор, где совершенствование произойдёт не через духовное или физическое развитие, а через слияние человека с технологиями или даже замену его машинными интеллектами.

Идеи Канта также были сосредоточены на нравственной автономии и когнитивных ограничениях человека. В его философии невозможно было предположить существование искусственного интеллекта или рассматривать вопросы, касающиеся границ между человеком и машиной, которые стали актуальными в наше время. Кант говорил о разумных существах, наделённых моральным сознанием, но технологический скачок, который мы наблюдаем сейчас, и перспективы, открывающиеся перед нами благодаря искусству интеллекту, полностью меняют эту картину.

В свете новых технологий и теорий трансгуманизма и постгуманизма, современным философам приходится переосмысливать многие фундаментальные концепции.

Ведь речь идёт уже не о человеке как о конечной точке эволюции, а о возможной смене антропоцентризма на техноцентризм. Современные дискуссии выходят за рамки традиционных философских проблем, касающихся морали, и затрагивают вопросы, которые Ницше или Кант вряд ли могли бы представить: что станет с человеком, когда его интеллект будет значительно превосходить обычные биологические пределы или когда человеческое сознание сможет быть загружено в машины?

Трансгуманизм и постгуманизм поднимают вопросы о слиянии человека с технологиями, о расширении человеческих возможностей через искусственные системы. Это не просто утопические размышления, а уже реальные проекты, которые исследуют возможности увеличения продолжительности жизни, усиления когнитивных функций, расширения чувств через технические средства. И хотя это может показаться уходом в совершенно другую плоскость, философия таких идей остаётся важной. Что значит быть человеком в мире, где разум перестаёт быть исключительной прерогативой биологической жизни? Как изменится понятие свободы, морали и сознания, если существование будет зависеть от симбиоза с искусственным интеллектом? ²⁰

Статья под названием *A Philosophical Inquiry into Transhumanism and Posthumanism in the Age of Artificial Intelligence* (Философское исследование трансгуманизма и постгуманизма в эпоху искусственного интеллекта)

²⁰ Kriger, B. (2024). A philosophical inquiry into transhumanism and posthumanism in the age of artificial intelligence. *The Common Sense World*.

опубликованая мной в The Common Sense рассматривает философские аспекты трансгуманизма и постгуманизма, исследуя влияние искусственного интеллекта на представления о человеке и будущем человечества. Для всех, кто интересуется вопросами взаимодействия человека и технологий, эта статья может представить интерес.

Николай Фёдоров, отец русского космизма, безусловно, предвидел такие идеи. Его размышления о будущем человека, о покорении космоса, о "воскрешении предков" с помощью научных средств, которые, по его мнению, смогут заменить религиозные задачи, были полны того же духа преодоления человеческой ограниченности. Его идеи вдохновляли таких мыслителей, как Циолковский, Жуковский, Вернадский, и закладывали основы философии, рассматривающей человека не как конечную точку, а как нечто трансцендентное, способное выйти за пределы самого себя.

Но здесь возникает центральный вопрос: что придёт на смену человеку? В самом языке и природе человека заложена фундаментальная несовершенность. Язык, будучи основным инструментом коммуникации и выражения мыслей, часто оказывается неадекватным для передачи сложных идей и эмоций. Если человек будет изменён, совершенствован с помощью технологий, изменится ли его язык, его мышление? Ведь если языковая структура основана на биологической основе, её усовершенствование может привести к совершенно новым формам коммуникации, более точным и эффективным, чем нынешние. Вопрос в том, каким будет этот новый способ общения, сможет ли он

полностью заменить человеческий язык, или же останется как один из его аспектов.

Будущее, в котором человек будет питаться "лучиком света" и покорять галактики, как предсказывал Фёдоров, уже не кажется столь фантастичным в свете современных технологических возможностей. Однако остаётся важный момент: смогут ли технологии полностью заменить человека как существо, имеющее не только интеллект, но и моральное, эмоциональное и культурное измерение? Или же эти аспекты человеческой природы сохранят своё значение даже в мире машинного интеллекта и космических путешествий?

Человек, стремясь обустроить свою среду, невольно погружается в процесс создания искусственного мира, что началось еще в момент, когда он впервые снял с убитого зверя шкуру и накинул её на плечи, стремясь защититься от холода или опасности. В этом простом жесте уже таился зачаток той культуры, которая впоследствии станет главным инструментом его выживания. С тех пор между сдиранием шкуры и созданием искусственного интеллекта прослеживается непрерывная связь — и то, и другое является собой попытку преодолеть природу, а значит, оба акта искусственны по своей сути. Вопрос лишь в том, что во втором случае человек сумел значительно усложнить это взаимодействие, разив способность наделять природу новыми смыслами и формами.

И вот человек, воздвигнув свои символические миры, оказался существом, почти полностью искусственным, заключённым в клетку той самой культуры, которую создал сам. Ему больше не хватает простой физической защиты; он нуждается в постоянном подтверждении своего места в мире через культурные акты, ритуалы, законы, речи. Культура, выстроенная человеком, возвращает ему его же образ, но теперь не в зеркале природы, а в кривом зеркале знаков, символов и смыслов, которые лишь в неполной мере могут отразить истинную сущность. Так рождается новое, сверхъестественное бытие, о котором говорил философ, подразумевая, что человек, сотворивший своё "я" через культуру, теперь не может существовать вне её рамок.

Разум перестает быть просто функцией мозга, подобно тому, как культура уже не просто результат коллективной деятельности, но новый организм, который управляет своими создателями. Этот симбиоз бесконечно взаимообусловлен.

Речь — одно из первых и самых значимых орудий культуры, превзошла свою природную основу, оторвалась от биологических корней и перестала быть просто средством передачи информации. Если в животном мире она ограничена примитивными знаковыми сигналами, служащими для предупреждения или выражения эмоций, то у человека она стала чем-то гораздо более сложным. Это не просто выражение страха или радости, не набор реакций на угрозы или радости существования, но нечто, выходящее за пределы непосредственного опыта. Речь не только описывает мир, но и преображает его, позволяя заново осмыслить реальность. С каждым новым словом культура творит человека, и каждое слово становится новым шагом в этом процессе, меняющим не только мышление, но и сам способ существования.

Каждая культура наделяет речь своими уникальными правилами, придавая словам оттенки и смыслы, которые могут существенно различаться от общества к обществу. Этот многообразный мир речевых форм открывает безграничные возможности для интерпретации, позволяя одному и тому же явлению звучать по-разному в зависимости от того, через какую призму культуры оно воспринимается. И тем не менее, несмотря на эти богатства, большинство людей редко задумываются о

том, как глубоко влияние слов проникает в их повседневную жизнь. Буквально каждый день миллионы людей воспроизводят одни и те же фразы, не осознавая того, что их собственные слова способны изменить восприятие как себя, так и окружающих.

Этот потенциал не ограничивается только словесной интерпретацией, но захватывает и весь спектр человеческих взаимоотношений. Ведь человек не только мыслит словами, но и выстраивает через них свою связь с окружающим миром. Простой разговор между двумя людьми — это не только обмен информацией, но и мощный акт взаимного влияния, где каждое слово, каждый жест могут изменить саму природу отношений. И эта тонкая сеть взаимных влияний постоянно расширяется в современном мире, где коммуникация стала почти бесконечной, распространяясь через языки, границы и культуры.

Однако, несмотря на все технологические достижения, в современном мире сохраняется некая консервативность в использовании речевых средств. Даже новые термины и слова, вроде бы отражающие революционные открытия, нередко оказываются переосмыслением давно забытых идей. Возможно, это происходит потому, что наша способность к созданию действительно новых речевых форм уменьшилась, и мы всё чаще обращаемся к тому, что уже было когда-то придумано, пытаясь найти в старых словах новые смыслы для описания современных реалий. Эта тенденция рождает в нас скрытое беспокойство, ведь язык, который казался нам таким гибким и податливым, оказывается не столь

пластичным перед лицом новых вызовов.

Роль невербальных элементов в коммуникации также неизбежно возрастает, особенно с появлением масок, скрывающих значительную часть лица. То, что раньше передавалось через одни только движения губ или выражение лица, теперь приходится воспринимать иначе — через глаза, через тончайшие движения мышц вокруг них, через едва уловимые жесты. Этот опыт показал, насколько значимы неречевые формы общения, ведь на долю самой речи в реальном взаимодействии приходится значительно меньше, чем можно было бы предположить. Мимика, жесты, интонация — всё это создаёт комплексное восприятие, где слова лишь одна из составляющих.

Итак, размышления о границах языка и мышления, которые, как кажется, всюду расставляют свои невидимые преграды, должны привести нас к тому выводу, что стремление к абсолютной точности в выражении мысли есть нечто недостижимое в рамках человеческого общения. Язык сам по себе не столько инструмент передачи, сколько орудие создания реальности, где каждое слово, каждая интонация ведут нас по тонкой грани между смыслом и недоразумением. Здесь мы подходим к самой глубокой и трогательной мысли — что попытка постичь истину всегда сопряжена с осознанием того, что она остается где-то за пределами наших слов. Мы — заложники неясностей, люди, живущие в мире, где коммуникация лишь слегка приподнимает занавес над тем, что пытаемся передать.

Но, возможно, именно в этом скрыта наша сила: неспособность к полной точности заставляет нас искать новые способы понимания, новые подходы, рождает в нас постоянное стремление к большей ясности, к поиску тех слов, которые хотя бы на мгновение, но приблизят нас к истине. Вечный кризис языка — это не просто его недостаток, это зеркало человеческого состояния, вечно стремящегося к тому, что никогда не может быть полностью постигнуто.